

DOI 10.25991/AE.2019.15.44.005
УДК 82.2

Т. Т. Давыдова

Давыдова Татьяна Тимофеевна — доктор филологических наук, профессор Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета (Московского Политеха), t.davydova@gmail.com

РОССИЯ И АФРИКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО, Е. ЗАМЯТИНА, М. БУЛГАКОВА: К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В статье рассматривается своеобразие интерпретации темы России в рассказе М. Горького «Коновалов», России и Африки в рассказах, повести «Север» и фарсе «Африканский гость» Е. Замятина, повести М. Булгакова «Собачье сердце». Анализируются контактные, сравнительно-типологические и генетические связи творчества Замятина, Горького и Булгакова; рассматриваются разные функции темы Африки и образа обезьяны в произведениях Замятина и Булгакова; раскрывается поэтика (типы героев, формы повествования, сатирическое обобщение, комические *qui pro quo*) горьковского рассказа, булгаковской повести и замятинских произведений.

Ключевые слова: Россия, Африка, тема, босяк, герой-мечтатель, сциентизм, сатира, Горький, Замятин, Булгаков.

T. T. Davydova

RUSSIA AND AFRICA IN THE WORKS OF M. GORKY, E. ZAMYATIN, M. BULGAKOV: TO THE PROBLEM OF LITERARY CONNECTIONS

The article discusses the peculiarity of the interpretation of the theme of Russia in the story of M. Gorky “Kononov”, Russia and Africa in the short stories, the story “North” and the farce “The African Guest” E. Zamyatin, the story by M. Bulgakov “The Heart of a Dog”. The contact, comparative-typological and genetic relationships of Zamyatin, Gorky and Bulgakov’s works are analyzed; discusses the various functions of the theme of Africa and the image of a monkey in the works of Zamyatin and Bulgakov; the poetics (types of heroes, narrative forms, satirical generalization, comic *qui pro quo*) of the Gorky story, the Bulgakov story and Zamyatin works are revealed.

Keywords: Russia, Africa, theme, tramp, dreamer, scientism, satire, Gorky, Zamyatin, Bulgakov.

Между творчеством М. Горького, Е. Замятина, М. Булгакова существовали литературные связи — контактные, сравнительно-типологические и генетические. М. Горький и Булгаков — знакомые и адресаты Замятина, все они относились к одной и той же литературной среде. Особенно частыми были личные контакты Горького с Замятиным, так как они оба в первые послереволюционные годы жили и работали в Петрограде. Несмотря на разногласия, существовавшие между Замятиным и Горьким, двух писателей связывали близкие взгляды, преданное служение России, революции и литературе, критическое отношение к русской провинции и «детским болезням левизны» (В. И. Ленин) в деятельности русских большевиков. Творческая близость двух писателей усилилась в первой пол. 1920-х гг., когда М. Горького с Замятиным объединило активное участие в строительстве новой культуры: работа в издательстве «Всемирная литература», сотрудничество с независимым литературно-художественным журналом «Русский современник», издававшимся в Ленинграде в 1924 г., покровительство молодым писателям из группы «Серрапионовы братья».

С Булгаковым его друг Замятин часто встречался во второй пол. 1920-х гг. во время визитов автора «Дьяволиады» в Ленинград и поездок Замятина в Москву. Горький также общался с Булгаковым и деятельно помогал ему в 1928–1931 гг.: благодаря его хлопотам, пьеса «Мольер» (авторское

название «Кабала святош»), запрещенная Главреперткомом, в октябре 1931 г. была принята к постановке в МХАТе. По этому поводу Замятин воскликнул в письме к Булгакову от 28.10.1931 г. <Ленинград>: «Дорогой Афанасьич, итак — ура трем М: Михаилу, Максиму и Мольеру!» [8, с. 182].

Осень 1929 г. оказалась тяжелым временем для Замятина, опубликовавшего за рубежом роман «Мы». Между тем и Булгаков только что издал в Париже в изд-ве «Concorde» конец романа «Белая гвардия», к тому же в Москве ходили слухи о том, что во Франции опубликовали и запрещенную в СССР булгаковскую повесть «Собачье сердце», два экземпляра машинописи которой вместе с рукописью дневника были конфискованы у писателя 7 мая 1926 г. У Булгакова, которого официальная критика в это время причисляла, наряду с Замятиным, к «попутчикам», были все основания тревожиться за свою дальнейшую судьбу, ибо кампания, направленная против «аполитичного» Всероссийского СП, велась также против Булгакова и других «буржуазных» писателей, показывавших глубинные противоречия действительности. Поэтому Булгаков активизировал уже начатые ранее действия, обратившись в письме от 03.09.1929 г. с просьбой к правительству о разрешении выехать за границу [1, т. 5, с. 434–435]. Во второй пол. сентября 1929 г. в Москве и Ленинграде шли собрания Всероссийского СП, где обсуждалось произведение Замятина и его пу-

бликация за границей. В середине сентября Замятин приехал из Ленинграда в Москву с письмом в редакцию «Литературной газеты». В этой ситуации Замятин и Булгаков возлагали большие надежды на поддержку и заступничество М. Горького. В Москве Замятин, попав к Горькому 27 сентября и вручив ему свое письмо в «Литературную газету» и заявление о выезде за границу, смог задать ему вопрос и относительно Булгакова. По мнению М. О. Чудаковой,

... содержание ответа Горького Замятину явствует из письма Булгакова, написанного на другой день <...> В печати имя Булгакова уже употреблялось в эти дни рядом с Замятиным и Пильняком — в нарицательном значении, во множественном числе: 29 сентября журнал «Жизнь искусства» в статье «Уроки пильняковщины» удивлялся тому, что в Союзе писателей «Булгаковы и Замятины мирно сожительствовали <...> с подлинными советскими художниками слова» [14, с. 186–187].

Горький заступился в статье «Все о том же» за Пильняка, Замятина и Булгакова, но она не была напечатана. Этот факт был показателем того, что общественный климат в стране значительно менялся и кончалась эпоха альтернатив. И все же Горький сумел помочь Замятину получить разрешение в 1931 г. временно уехать за границу. Поэтому в воспоминаниях Замятина о Горьком (1936) преобладает восхищение человеком «с большим сердцем и с большой биографией» и благодарность за помощь, которой обязан ему автор мемуаров. Вместе с тем Замятин отметил двойственность личности Горького: «кроме “Пешкова”, человека с почти женски мягким сердцем, в нем жил большевик» [4, с. 291], Замятину был чужд и присущий сознанию Горького утопизм. Высоко оценивается литературно-организационная деятельность Горького также в замятинской статье «Москва — Петербург».

Кроме контактных связей между Горьким, Замятиным и Булгаковым, существенны и сравнительно-типологические схождения между творчеством этих писателей. Проза М. Горького 1890–1900-х гг. близка замятинским рассказам и повестям 1910-х гг. воссозданным в них жизненным материалом, темами, авторской оценкой. Похожие сюжетные мотивы и типы героев встречаются в рассказах и драматургии Замятина 1920–1930-х гг., с одной стороны, и повести Булгакова «Собачье сердце», с другой. Тема России главенствует в рассказах Горького «Коновалов» и Замятина «Африка», «Ела», «Наводнение», повести «Север», в замятинских и булгаковских произведениях 1910–1930-х гг. Но на периферии замятинских и булгаковских произведений сопоставление России с далекими странами: у первого — с Африкой и русским севером, у второго — с Францией. Эти писатели создали новые литературные типы: характерный для России *герой-мечтатель, выламывающийся из своей среды* (Коновалов из одноименного рассказа Горького,

Волков из «Африки», лопка Пелька из «Севера»), *пошлый герой/героиня со звериными инстинктами* (пациенты профессора Преображенского, стремящиеся омолодиться ради осуществления низких страстей), *преобразователь природного или социального мира* (Марей из «Севера», профессор Преображенский из «Собачьего сердца», доктор из фарса «Африканский гость»).

Рассказ Замятина «Африка» (1915, опубли.: Северные записки. 1916. № 4/5. С. 1–10) входит, наряду с повестью «Север» (1918), а также рассказами «Ела» (1928) и «Наводнение» (1929), в цикл произведений, изображающих особенности русского менталитета. Главных героев данных произведений отличают сила и яркость страстей, мечтательность, упорство в достижении поставленной цели. В каждом из произведений данного цикла раскрывается какая-то страсть — у Федора Волкова это любовь, соединенная со стремлением «выломаться» из мещанского окружения («Африка»); у лопки Пельки — любовь-ненависть и одновременно любовь-жертва, у ее мужа Марей — увлеченность технической утопической идеей («Север»); у Цыбина — страстная надежда на то, что с приобретением елы у него начнется новая, более счастливая жизнь; у Софьи из «Наводнения» — желание иметь ребенка. В образах всех этих героев общечеловеческое тесно переплетено с национальным, особенно выпукло воссозданы свойства русской души.

Главный герой «Африки» китобой Федор Волков относится к типу русского странника-мечтателя, чей удел, по словам Замятина из статьи «Скифы ли?», «вечное агасферово странствование. Вечная погоня за Прекрасной Дамой — которой нет» [7, т. 4, с. 512]. Прекрасной Дамой становится для Волкова виденная раз в жизни девушка-дворянка, которая в шутку сказала, что она из Африки. Призрачность и недостижимость идеала подчеркиваются тем, что эту девушку Волков видит в основном во сне. Возникает своеобразное, в духе символистской и неореалистической, то есть модернистской, картины мира, двоимире: мечтатель из народа в особых состояниях — «сновиденном» и пограничном между сном и бодрствованием — открывает то, «чего живым видеть не деть: правду».

Но правда для Волкова, в отличие от героев символизма, связана с поисками не Бога, а идеальной любви. Разочарованный в супружеской жизни с Яустой, герой мечтает найти счастье в ином мире, который воплощен для него в экзотическом континенте.

Мотив путешествия в Африку близок мотивам стихотворений «Жираф», «Носорог», «Озеро Чад» из книги «Романтические цветы. Стихи 1903–1907 гг.» и других произведений Н. С. Гумилева на африканскую тему, в чем проявляется родство художественного метода Замятину акмеизму. Вместе с тем у Замятина значим и другой пространственный образ — Севера, населенного русскими и лопарями народом. Африка и Север выступают в его прозе как

«сновиденные» места, связанные с мечтой о любви к женщине или всему человечеству.

«Задумавшийся», выламывающийся из своей среды, Волков напоминает главного героя рассказа М. Горького «Коновалов» (1896), философа из народа. Как и Коновалов, он, протестуя против скучного мещанского существования, не работает, а пьет, им, как и Коноваловым, владеет тяга к странствиям, подобно горьковскому герою, Волков в конце рассказа умирает, не достигнув своей мечты. В облике горьковского Коновалова много детского («детские ясные глаза», «он по-детски весел и доволен», если его работа удачна, он гигантский ребенок, влагавший «всю душу в работу свою <...>» [2, с. 19]), но детские черты сменяются львиным, огненным, когда он слушает чтение книги Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Революционер-повествователь Максим акцентирует именно эту особенность природы своего героя. Коновалов любит природу, он работал на ватагах на Каспийском море. Замятинский Волков тоже тесно связан с природой. На это указывает, в частности, устойчивое, «интегральное» сравнение Федора с лешим и другая образность рассказа.

У Федора Волкова «маленькие глазки нерпачьи»; морская медуза напоминает цветок, а тот — девушку-«африканку». Казалось бы, подобные «каскадные» метафоры подчеркивают неразрывную связь замятинских «органических героев» с разными формами природного мира. Но в существовании Волкова и Марая, как и в жизни Коновалова, есть и дисгармония.

Коновалов выкупил из публичного дома случайно оступившуюся в жизни юную Капитолину, но не женился на ней. Горький, подобно Ф. М. Достоевскому, автору «Записок из подполья», приоткрывает здесь контрасты «русской души», сосуществование в ней доброты к ближнему и греховности: «<...> человек без защиты живет, и никакого призора за ним нет. Грешить ему запрещено, но не грешить невозможно... Потому на улицах-то и порядок, а в душе — путаница. И никто никого не может понимать» [2, с. 40]. Вот почему Капа, не найдя в Коновалове моральной опоры, вернулась к прежнему образу жизни и окончательно нравственно погибла. Горький не осудил своего героя, а, как писатель-реалист, запечатлел свойственную Коновалову всепоглощающую жажду свободы: ему присущ «инстинкт бродяги, чувство вечного стремления к свободе» [2, с. 36], а женитьба связала бы его. Замятин, создавший тип «органического» человека, видел вину Волкова и Марая в том, что они нарушили закон всего живого — предпочли жизни пола стремление к туманному идеалу либо осуществление на практике утопической идеи. Он, как и Горький, прибегает к драматическим развязкой в рассказах и повести «Север»: и Коновалов, и Волков с Мареем «наказываются» смертью. Кстати, Горький в «Коновалове» прибегает к развязке, которая станет типичной и в его драматургии 1900-х гг. — самоубийству героя-бродяги и мечтателя. Кончает жизнь

самоубийством и актер из драмы «На дне», неудавшееся самоубийство Рюмина, интеллигента — лишнего человека, запоминающийся сюжетный мотив в «Дачниках». При этом картины мира в «Коновалове» и цикле замятинских произведений существенно различаются: Горький исследует настоящее и прошлое только России, а Замятин помещает ее в экзотический этнический контекст, сравнивая русских людей с северным народом лопарей (саами). Поэтому столь отличны друг от друга у Горького и Замятина и изобразительно-выразительные средства их прозы.

Если Горький для рассказа «Коновалов» выбрал повествование от первого лица, то у Замятина в «Африке» и «Севере» оно иное, более сложное — однонаправленный игровой сказ, благодаря которому писатель использовал народные речевые средства. В рассказе и повести немало диалектизмов, записанных, вероятно, в 1904 г. во время поездки Замятина на Урал.

Иногда в этих произведениях писатель изменял звуковую форму диалектизма, приближая его к литературному языку. «Немтует» (объясняется знаками) и «чомер» (черт, помрачение) из блокнотов изменены в «Африке» следующим образом: «Федор Волков молчал: только глазами необидными немовал что-то Яусте, а про что немовал — неведомо» [6, т. 4, с. 76]. Здесь же обиженный женой, «со всего бега стал Федор Волков, как чомором помраченный» [6, т. 4, с. 75]. В «Африке» и «Севере» диалектная лексика в основном имеет нравоописательную и характерообразующую функции, способствует, как и другие содержательно-формальные особенности рассказа и повести, лучшему раскрытию русского национального характера, национального бытия. Впоследствии Горький оценил проявившееся уже в замятинском творчестве 1910-х гг. глубокое знание писателем русского языка. В письме Каверину от 13 дек. 1923 г. из Чехословакии он пожелал «серапионам»: «Я хотел бы, чтоб всех Вас уязвила зависть к “прежним” — Сергееву-Ценскому, М. Пришвину, Замятину, людям, которые становятся все богаче — словом» [10, с. 178].

Пьеса «Африканский гость. Невероятное происшествие в трех часах» — (1929–1930), написанная по заказу МХАТа 2-го, относится к замятинским драматургическим произведениям на актуальную тему и может быть сопоставлена с булгаковской повестью, «Собачье сердце», хотя нет точных сведений относительно того, читал ли Замятин это произведение, при жизни ее автора не напечатанное, а опубликованное впервые лишь в 1968 г. в Лондоне. По мнению американского исследователя творчества Замятина А. Шейна, «Африканский гость» — легкий фарс, близкий поздним рассказам писателя «Икс», «Слово предоставляется товарищу Чурьгину», в которых сатирически изображены жители русского уездного, приспособляющиеся к советскому образу жизни, и мало что прибавляет к росту Замятина-драматурга [17].

Такая оценка объективна, так как Замятин высмеивает приспособленчество бывших служителей духовенства вроде Малафея Ионыча и эксплуатирующих актуальные темы бездарных поэтов, подобных Сосулину. Эмигрантская критика тоже увидела в «Африканском госте» комедийную пародию, иронизирование над затхлой атмосферой советской провинции:

В небольшом городишке советские вельможи и чинуши не хотят <...> отстать от столиц, и когда отвергнутый отцом любимой девушки жених обрягается в шкуру гориллы, его торжественно встречают в качестве делегата трудящихся человекообразных обезьян Африки, прибывшего в цитадель мировой революции — СССР — в качестве официального представителя угнетенных, но восставших против империализма африканских масс. Пусть даже и обезьяна, и по-человечески объясниться не может, но все-таки «тут из заграницы... из настоящей», не «из товарищей» все же, «а настоящий кавалер»... Озорная, брызжущая простодушным (но иной раз не без яда...) смехом комедия [13, с. 7–8].

Замеченная Б. Филипповым комическая доминанта этого произведения — доведенная до абсурда симпатия коммунистов к трудящимся, низшим социальным слоям, типологически близка эпизоду сбора средств в пользу пролетарских детей Франции из повести Булгакова «Собачье сердце». (Данный мотив есть уже в набросках к «Африканскому гостю» из блокнотов Замятина.) Но Замятин переносит эту черту из социально-политической области в иную сферу, антропологии, на «низшие расы», и биологии — на человекоподобных обезьян и комически обыгрывает данный мотив.

В игре с данным мотивом есть намек на созданное в 1908 г. ремизовское общество «Обезьянья Великая и Вольная Палата» и аллюзия на один из мотивов пьесы А. М. Ремизова «Трагедия об Иуде, принце Искаротском» (1912). Во втором действии этой мистерии Пилат собирается женить Иуду и его приближенных на обезьянах, чтобы посмотреть, «что-то выйдет — человек и обезьяна» [12, с. 146]. Но если у Ремизова данный юмористический и одновременно сциентистский мотив определяет жанровое своеобразие мистерии, то в замятинской пьесе он становится и сюжето-, и жанрообразующим, и наполняется сатирически-гротескным содержанием. Причем мировоззренчески Замятин ближе здесь М. А. Булгакову.

Подобно булгаковскому Преображенскому, безымянный уездный доктор из «Африканского гостя» мечтает о смелом научном эксперименте — скрещении человека с животным, но не с собакой, а с обезьяной. Это поможет преодолеть вырождение, возникшее из-за соединения «особей одной и той же нации»: «Такие будут головы, такая будет энергия, что через 20 лет все перевернут...» [3, с. 112]. Здесь получают новое раскрытие излюбленные замятинские сциентистские мифологемы энтропии и энер-

гии. Но обезьяна у Замятина оказывается мнимой: в роли африканского гостя, одетого в обезьянью шкуру, выступает собирающийся учиться в Высшей технической школе Витька Жудра, что помогает ему добиться от отца любимой девушки согласия на брак с нею. Это *qui pro quo* выражает идею фарса.

Как и автор «Собачьего сердца», Замятин убежден: союз людей, стоящих на разных ступенях общественного, интеллектуального и культурного развития, не дает счастья. Писатель, не верящий в Бога, иронизирует в ремарке и над основами дарвинизма, святая святых коммунистической идеологии: «Африканский гость быстро входит в столовую. Это — антропоид, однако по всем видимостям не нынче-завтра он станет антропос-человеком» [3, с. 127].

Замятинский недочеловек типологически близок Шарикову, обретающему люмпен-пролетарское самосознание. Он пытается приспособиться к социалистической действительности и получить все льготы, причитающиеся пролетариям — прописку и метры в профессорской квартире, комфортное существование за счет непривилегированных социальных слоев (в данном случае за счет научной интеллигенции), «разъясняет» ненавистного ему интеллигента профессора Преображенского. При этом в обоих произведениях есть черты сциентистского мифотворчества: в повести описаны хирургическая операция и история болезни пациента, в «Африканском госте» изложены проекты доктора и научные достижения в области изучения языка обезьян и их военного обучения (последний анекдот, вероятно, заимствован из «Сентиментального путешествия» Шкловского В. Б. [см.: 15, с. 174–175]).

«Африканский гость» — произведение, подчеркнуто условное, формой художественного обобщения в котором, как и в «Собачьем сердце», служит сатирический гротеск. В образе столичного поэта Сосулина подчеркивается такая «интегральная» портретная деталь, как «огромные американские очки. Очки — главная часть его организма, все остальное мало заметно» [3, с. 108]. Данная деталь является типобразующей: она свидетельствует об оторванности этого литератора от реальной жизни, о его идейной и творческой близорукости. Обезьянье в «Собачьем сердце» и «Африканском госте», означая звериное, недочеловеческое, становится материалом для утопических научных проектов булгаковского Преображенского и замятинского доктора, оба персонажа выражают также скепсис по отношению к дарвинской теории.

Итак, для творчества Замятина и Булгакова 1910–1930-х гг. существенными оказались контакты этих писателей с Горьким, в творчестве Горького, Замятина и Булгакова представлены также сравнительно-типологические связи на уровне темы России, сюжетов и типов героев. Художественные поиски этих авторов шли в близких идейных и эстетических направлениях, у них преобладает тема России в со-

временном мире, а тема Африки является «эндемичной» у Замятина и Булгакова, причем в «Африке» и «Африканском госте» Африка воображаемая.

Литература

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2, 1989. Т. 5, 1990.
2. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М., 1969. Т. 3.
3. Замятин Е. И. Африканский гость; невероятное происшествие в трех часах / Публ. А. Н. Тюрина // Лепта. — М., 1994. — № 18. С. 108–138.
4. Замятин Е. И. Избр. произведения: В 2 т. — М.: Худож. литература, 1990. Т. 2.
5. Замятин Е. И. М. Горький // Замятин Е. И. Лица. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 81–98.
6. Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Федерация, 1929. Т. 4.
7. Замятин Е. И. Сочинения: В 4 т. — Мюнхен: А. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1988. Т. 4.
8. Из переписки М. А. Булгакова с Е. И. Замятиным и Л. Н. Замятиной (1928–1936) // (Публ. В. В. Бузник) // Рус. литература. — 1989. — № 4. С. 178–188.
9. Комлик Н. Н. Народная Россия и поэтика ее воплощения в творчестве Е. И. Замятина. — Елец, 2008.
10. М. Горький и сов. писатели: Неизданная переписка // Л. Н. Т. 70. — М., 1963. С. 178.
11. Попова И. М. «Чужое слово» в творчестве Е. И. Замятина (Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский). — Тамбов, 1997.
12. Ремизов А. М. Сочинения: В 8 т. СПб., 1912. Т. 8.
13. Филиппов Б. Театр Евгения Замятина // Замятин Е. И. Сочинения: В 4 т. — Мюнхен: А. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1982. Т. 2. С. 5–10.
14. Чудакова М. О. Послесловие (К повести М. А. Булгакова «Тайному другу») // Новый мир. 1987. — № 8. С. 185–187.
15. Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие. — М.: Новости, 1990.
16. Shane A. The Life and Works of Evgenij Zamyatin. — Berkely; Los Angeles, 1968.
17. Shane A. Zamyatin the Playwright // Замятин Е. Огни св. Доминика; Общество почетных звонарей. — Wurzburg, 1973. Vol. 4. С. V–XIII.